

Глава 2

Ливень стоял стеной, а небо за стеклом почернело, будто придавленное свинцовой тяжестью.

Су У очнулся от сна и, чувствуя, как раскалывается голова, налил себе стакан тёплой воды. Скользнул взглядом по телефону — по-прежнему ни одного сообщения.

Забыли?

Он тут же нашёл этому объяснение: родители, наверное, где-то в отъезде и просто не вспомнили, старший брат в последнее время завален делами в компании, а младший — в школе. Но Мэн Чэнсю? Стоило подумать о нём, как в ушах снова зазвучали те резкие, режущие звуки, услышанные прошлой ночью, а перед глазами против воли всплыла картина: он, сплетённый с чужой женщиной.

Прежде Мэн Чэнсю таким не был. Су У знал его больше десяти лет — с самой старшей школы, и с тех же самых пор был влюблён в него, не переставая, все эти годы.

Тогда Мэн Чэнсю был необузданным, диким, целыми днями слонялся без дела, сбегал с уроков, пользовался дурной славой, торчал в барах и то и дело влезал в драки — настоящий король школьных задворков.

Именно тогда, в старшей школе, Су У впервые его увидел. Знойным летним днём он сидел в классе и, случайно бросив взгляд за окно, заметил парня, перемахивающего через ограду с той небрежной, лихой грацией, что бывает только в юности; растрёпанные волосы делали его особенно расслабленным и притягательным.

Раскалённое солнце падало на его плечи, юность в нём бурлила через край, и именно в тот миг он вдруг поймал взгляд Су У. Тот единственный, брошенный искоса взгляд — и сердце ёкнуло.

С тех пор Су У стал ходить за ним по пятам — и в школе, и потом в университете. Люди посмеивались, называя его хвостиком, но Су У было всё равно.

В те годы Мэн Чэнсю относился к нему хорошо. Знал о его чувствах, отказал прямо и честно, но и не прогнал — просто обнял за плечи и с беспечной улыбкой бросил: «Давай будем братьями».

Это самое «братья» и обернулось теперешним отчуждением, застывшим между двумя мужьями.

Уголки губ Су У всё ещё были чуть приподняты, но в глазах прежней твёрдой любви уже не осталось — только растерянность.

Он вспомнил, как сразу после выпуска семья Мэн Чэнсю, некогда известная в Городе Ло коммерческая империя, в одну ночь обанкротилась. Отец Мэн Чэнсю бросился с крыши. Су У тогда захотел помочь — и впервые в жизни обратился с просьбой к собственным родителям.

Именно эта просьба и связала их — браком по расчёту, устроенным семьями.

Гордый, самолюбивый Мэн Чэнсю принять этого не смог. Ему казалось, что Су У подаёт ему милостыню, унижает нарочно.

С тех пор отношения между ними надолго застыли льдом.

Су У тогда думал: если быть достаточно хорошим, всё само собой наладится. Но вышло иначе — Мэн Чэнсю будто подменили. Из обанкротившегося наглого мальчишки он на глазах превратился в мужчину, способного стоять на своих ногах: поднял разорённую семью Мэн, шаг за шагом взбирался вверх, и теперь даже собственная родня вынуждена была с ним считаться.

Но вместе с тем менялся и его нрав. Начались слухи, скандалы, шлейф романов на стороне.

Поначалу Су У ещё переживал, пытался спрашивать. Мэн Чэнсю в ответ бросал равнодушно: «Ты пресный, как вода. Даже угодить мужчине не умеешь. Куда тебе до них».

После такой пощёчины Су У больше не смог удерживать маску спокойствия. Он даже не помнил, с каким чувством переезжал тогда из виллы, записанной на имя мужа, в эту квартиру.

Здесь он прожил восемь лет. Изредка появлялся у Мэн Чэнсю — исключительно чтобы поддержать видимость, чтобы люди знали: брак всё ещё существует.

Все эти десять лет он был как рыба, запёртая в пластиковом пакете, — задыхающаяся, но не способная вырваться.

Он не раз спрашивал себя: почему полюбил Мэн Чэнсю? И почему эта любовь тянется уже десять лет?

«Наверное, слишком сильно полюбил», — эта мысль всплывала в голове снова и снова, будто вживлённая туда много лет назад чужая команда.

Су У горько усмехнулся, поставил стакан на стол — и вдруг замер, заметив место вчерашней раны. Кожа была гладкой, ровной, будто там никогда ничего не было.

Он присмотрелся внимательнее, ещё раз, ещё — память не подводила его.

Но что-то внутри упорно твердило: не так, неправильно.

Пока он размышлял об этом, зазвонил телефон.

— Мама хочет, чтобы ты приехал на обед, — голос на том конце звучал холодно, почти безучастно. Звонил старший брат.

Старший сын семьи Су — уже сейчас проходил стажировку в компании с номинальной должностью менеджера, но способности у него были выдающиеся, и, пожалуй, недолго ему оставалось ждать кресла директора.

Су У поначалу решил было, что брат звонит из заботы, но нет — тот говорил так, будто просто передавал приказ. Ни слова о том, как самочувствие, как здоровье.

Он давно к этому привык, и всё же где-то внутри по инерции всё ещё теплилась глупая надежда.

Когда Су У добрался до дома, мать лежала в постели и с нежностью гладила живот.

Он протянул горничной купленные им гвоздики, та отыскала белую фарфоровую вазу и поставила на прикроватную тумбочку. У матери была аллергия на пыльцу, поэтому цветы он всегда покупал искусственные.

Цзян Тан, увидев его, велела принести стул и мягко спросила:

— Как ты в последнее время?

О своей госпитализации Су У никому не рассказывал, так что Цзян Тан ничего не знала.

— В последнее время всё хорошо, — он осторожно подтянул повыше её одеяло, боясь, что в такое время года она простудится.

Цзян Тан не заметила этого жеста, лишь протянула руку и коснулась его ладони:

— А Чэнсю хорошо к тебе относится?

Глядя на её заботливое лицо и на живот, где рос ребёнок, Су У ответил мягко:

— Он очень хорошо ко мне относится. Через пару дней приведу его к тебе.

— Вот и славно, — Цзян Тан посмотрела на него с нежностью. — В обед приедут отец и старший брат, поедим все вместе.

— Хорошо.

Су У немного посидел с ней в спальне — здоровье у Цзян Тан было слабое, поэтому обедать вниз он спустился один. Горничная принесла еду и снаружи, заботливо ухаживая за хозяйкой.

Спустившись, он увидел, что отец и старший брат уже сидят за столом. Оба взглянули на него — и ни слова.

Су У привычно занял своё место. Едва он опустился на стул, как отец обратился к старшему сыну:

— В ближайшее время снова займись переговорами по земельному участку в Западном пригороде.

— Хорошо, отец, — брат, всё ещё в костюме, судя по всему, только что вернулся с работы, и без промедления согласился.

Отец удовлетворённо кивнул и перевёл взгляд на Су Бая, который в это время ел.

— Мать сейчас слаба здоровьем, не тревожь её.

Су Бай кивнул. Сказав это, отец вернулся к еде — как и остальные двое.

А Су У во всём этом чувствовал себя чужим, будто наблюдал за семьёй из другого мира.

Он молча доел, попрощался с Цзян Тан наверху и по дороге вниз столкнулся с Су Баем.

— Сяо Бай, недавно в продаже появился новый набор лего, я его уже заказал для тебя, — вспомнил Су У, проходя мимо того самого магазина, где видел рекламу. Зная, что брат любит лего, он купил набор.

Но благодарности не последовало. Су Бай скрестил руки на груди:

— Не нужны мне твои подачки. Хочешь мне угодить, что ли?

Слова прозвучали резко, почти по-хамски.

— И вообще, с какой стати ты мне что-то даришь?

— Я твой брат, — устало произнёс Су У, глядя на мальчишку, который был намного младше него.

Из-за разницы в возрасте он всегда уступал Су Баю, но тот рос избалованным и о вежливости представления не имел.

— Не хочу я такого брата, как ты, — юношеская прямота не признавала полутонов, говорилось всё, что приходило в голову, без оглядки на чужие чувства.

Су У всё так же мягко и спокойно повторил:

— Но я твой брат.

Это разозлило Су Бая ещё сильнее — ему казалось, что Су У его не слушает, каждый день строит из себя старшего, и это бесило до тошноты.

— Да какой ты мне брат. Я слышал, тот, за кого ты вышел, к тебе относится хуже некуда. Все говорят, что ты у него на побегушках, вешаешься ему на шею, — выпалил Су Бай с довольной ухмылкой.

Лицо Су У слегка побледнело, но он остался всё так же мягок, будто ничто не могло вывести его из равновесия:

— Слухам верить не стоит.

— Ладно, я пойду, — он улыбнулся и повернулся, чтобы уйти.

Но Су Бай, которому он был не по нраву, назло выставил ногу. Су У качнулся, споткнулся и едва не полетел вниз по лестнице.

К счастью, он вовремя вцепился в перила. Когда он пришёл в себя, Су Бай уже стоял внизу, скорчив ему злорадную рожицу, и тут же весело умчался на улицу.

Сколько всего увидел Су Лянь, осталось неясным, но когда Су У медленно спустился, тот, серьёзный и хмурый, произнёс:

— Матери об этом не говори.

— Ты ведь тоже не хочешь, чтобы она из-за этого расстроилась?

Су У поднял глаза:

— Так ты боишься, что я нажалуюсь?

Су Лянь взглянул на него с холодным равнодушием:

— А разве нет?

В тот миг сердце, которое, казалось, давно перестало на что-либо откликаться, вдруг снова сжалось от боли.

Он опустил голову, с трудом сдерживая горечь, что подступила к горлу, будто он проглотил лимон целиком:

— Старший брат, ты правда думаешь, что я такой?

Су Лянь бросил на него взгляд — к младшему брату, выросшему вдали от семьи, он никогда не испытывал особой привязанности, поэтому голос его звучал сухо и холодно:

— А разве нет?

Он бросил эти слова и развернулся, собираясь вернуться в компанию, но на полпути остановился и добавил, не оборачиваясь:

— Сейчас у нас с семьёй Мэн совместный проект. О скандалах, что крутятся вокруг него в последнее время, — забудь. Будто ничего не видел.

Су У поднял голову, чтобы ответить, — но брат уже ушёл.

Из дома Су он вернулся к себе только к шести вечера. Едва открыв дверь, наткнулся на неожиданного гостя: тот сидел на диване, вальяжно откинувшись, и, завидев его, лениво растянул губы в привычной пренебрежительной усмешке.

Спокойствие, с таким трудом восстановленное за день, рухнуло в одно мгновение — внутри поднялась волна, готовая захлестнуть с головой.

Но внешне Су У остался всё так же безмятежен, как всегда: тепло поздоровался, переобулся у порога и прошёл внутрь заваривать чай.

— Ты почему здесь? Что-то случилось? — Су У протянул ему чашку.

Мэн Чэнсю чай не взял. Су У молча поставил чашку на стол и сел напротив.

Тот, разглядывая его невозмутимое лицо, чуть прищурил продолговатые глаза:

— А ты, смотрю, спокоен. Даже не спросишь, где я вчера был всю ночь.

Су У промолчал. Мэн Чэнсю продолжил, будто разговаривая сам с собой:

— Я провёл ночь с женщиной. А ты, смотрю, даже не позвонил.

— Впрочем, думаю, тебе всё равно — женщин у меня хватает. Кстати, вчера ты, кажется, упоминал про день рождения. Я попросил помощницу подобрать тебе парные кольца.

Только тут Су У заметил на столе изящную чёрную бархатную шкатулку.

Он открыл её: внутри лежали серебряные кольца с белыми бриллиантами, простого, лаконичного дизайна — как раз в его вкусе.

Мэн Чэнсю, увидев, что тот их взял, довольно улыбнулся:

— У помощницы неплохой вкус, вижу, тебе нравится.

— Спасибо, мне очень нравится, — поблагодарил Су У.

— Раз нравится, хорошо, — кивнул Мэн Чэнсю. — Сегодня вечером банкет у Старейшины Мэна, пойдёшь со мной.

Старейшина Мэн приходился Мэн Чэнсю дядей, и на такие приёмы приглашали только пары.

При этой мысли радость на лице Су У угасла. И тут же он заметил, что гравировка внутри колец выглядит странно.

Заглавные буквы «МУ». «М» — очевидно, Мэн Чэнсю. Но кто такая «У»?

Мэн Чэнсю, видя его нерешительность, покосился на кольца, тоже заметил неладное и с любопытством взял их в руки, разглядывая надпись.

— Помощница, видно, перепутала заказ. Куплю тебе новые, — бросил он равнодушно и тут же небрежно отшвырнул кольцо в сторону.

Даже подарок умудрился прислать не тот. Вот уж действительно всё равно.

У Су У сжались пальцы. Он поднял глаза:

— Мне нездоровится. Я не пойду.

— Что, обиделся? — Мэн Чэнсю с интересом наблюдал за ним, затем цепкими, чётко очерченными пальцами приподнял его подбородок.

— С чего тебе обижаться? Сам виноват, разве нет?

— Су У, чего замолчал? Совесть заела?

Десять лет этот мужчина был рядом с ним, и что с того — Мэн Чэнсю смотрел на неизменно кроткого Су У и знал: сколько ни срывайся на нём, тот всё так же будет тих и покладист, как прежде.

Но в этот раз что-то было не так.

Су У смотрел на него всё той же мягкостью во взгляде, но в этих прекрасных, тёмных, как обсидиан, глазах прежнего тепла не осталось — лишь усталость.

Именно усталость.

Что-то дрогнуло в Мэн Чэнсю, рука сама собой опустилась.

А следом Су У спросил его — так же спокойно, буднично, будто интересовался, будет ли тот ужинать. От этой заботливости Мэн Чэнсю на миг захотелось сбежать без оглядки.

— Мэн Чэнсю, мне никогда не было стыдно.

Что-то дрогнуло у него внутри — то ли досада, то ли раздражение, и слова вырвались прежде, чем он успел их сдержать:

— Такой, как ты, без меня и дня не протянешь. И не думай строить из себя недотрогу, чтобы вымолить моё внимание.

За окном, неведомо когда, разразился ливень — тяжёлый, тревожный. А внутри квартиры кроткий мужчина поднял голову; взгляд его тонул в густом тумане, и прочесть в нём что-либо было невозможно.

— Не буду.

Едва эти слова прозвучали, как внутри что-то отозвалось лёгкой болью — а через мгновение будто чья-то рука сорвала повязку с давней раны, и боль хлынула по всему телу, разъедая до костей.

За окном взвыл ветер, вспыхнула молния. А в квартире Мэн Чэнсю усмехнулся, с презрением спросив:

— Ты правда думаешь, что сможешь меня оставить?

Су У, любивший его десять лет, — разве мог он разлюбить?

<http://bllate.org/book/20050/1990485>